

ГЕРАСИМЕНКО ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА (Горловка, ДНР)

Горловский институт иностранных языков

iragerasimenko@mail.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЦВЕТА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА С. ЕСЕНИНА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению лексических единиц, с помощью которых С. Есенин объективирует цвет. Особое внимание уделено аспекту полисемантизма и синкретизма языковых знаков. Анализ материала позволил сделать вывод, что выбор цветообозначений определяется как восприятием цвета в различных условиях и состояниях, его тоном, яркостью и насыщенностью, так и изначальным синкретизмом слов, произошедших, возможно, из общего источника.

Ключевые слова: цветообозначение, художественная картина мира, вербализация, имя прилагательное, полисемантизм, синкретизм.

Summary. The article is devoted to the analysis of the lexical units used by S. Esenin to objectize colour. Special attention in this research is given to the aspect of polysemy and syncretism of the language units. The analysis shows that the choice of colour nomination is determined both by the colour perception in different conditions, its shade, brightness and gradation, and initial syncretism of the words more likely having the same origin.

Key words: colour nomination, artistic view of the world, verbalization, adjective, polysemy, syncretism.

Художественная картина мира, опосредованная языком и индивидуально-авторским концептуальным видением действительности, объективируется с помощью разных вербальных средств. В их числе цветообозначения (ЦО), к которым относятся имена прилагательные, обозначающие конкретные и неконкретные цвета и функционирующие как самостоятельные (простые, сложные)

лексемы и как составляющие описательных конструкций с компонентами *цвет / цвета*.

Поэзию С. Есенина отличает последовательное и частотное использование (1) общеупотребительных лексем (1) с основной (*белый, красный, синий, зелёный, серый, голубой, рыжий*) и производной цветовой номинацией (*золотой, серебряный, розовый, овсяный*), (2) описательных конструкций с компонентом *цвет* (*красный цвет, серый цвет, кумачовый цвет*), (4) сложных ЦО, состоящих из (а) двух цветооснов (*желто-русый*), (б) цветоосновы и выражающей тон и насыщенность цвета основы в препозиции (*тёмно-голубой, ярко-золотой*) и постпозиции (*сине-хмурый, розово-смрадный*), (в) цветооснов с элементами, выражающими (С.107) **внешность**, части тела и предметы (*рыжеволосый, красногривый*). Например: *Клён ты мой опавший, клён заледенелый, / Что стоишь нагнувшись, под метелью белой?* [18: 497]; *На рассвете он завтра промчится, / Шапку-месяц пригнув под кустом, / И игриво взмахнёт кобылица / Над равниною красным хвостом* [18: 487]; *В саду горит костёр рябины красной, / Но никого не может он согреть* [18: 491].

С. Есенин допускает различные альтернации общеупотребительных ЦО. Так, при описании вечернего времени суток и ночного неба автор использует как слово *синий*, так и лексему *зелёный*. Ср: *И вновь вернусь я в отчий дом, / Чужою радостью утешусь, / В зелёный вечер под окном / На рукаве своём повешусь* [14: 460]; *Пусть порой мне шепчет синий вечер, / Что была ты песня и мечта* [14: 461]; *И тебе в вечернем синем мраке / Часто видится одно и то ж: Будто кто-то мне в кабацкой драке / Саданул под сердце финский нож* [18: 489]. Фактически прилагательные

зелёный и *синий* С. Есенин употребляет для характеристики одних и тех же денотатов. Показательным является и то, что С. Есенин использует ЦО *синий* в контекстах, где логичнее употребить слово *зелёный*: *Там, в полях, за синей гущей лога, / В зелени озёр, / Пролегла несчастная дорога / До сибирских гор* [14: 458]; *Усадьбе ночью, чингисхань! / Шумите, синие берёзы* [14: 459]. Безусловно, выбор ЦО определяется как восприятием цвета в различных условиях и состояниях, его тоном, яркостью и насыщенностью, так и изначальным синкретизмом слов, произошедших, возможно, из общего источника. Не случайно существуют утверждения историков искусства и лингвистов о том, что «люди в старину путали глубокий синий цвет с зелёным и чёрным цветом» [15: 404], что в современном узбекском, осетинском, якутском языках до сих пор значения ‘синий’ и ‘зелёный’ передаются одним словом, что «зелёный и синий цвет до того часто смешиваются, что обозначение их в хроматической терминологии через одно и то же слово в языках некультурных (термин автора. – И. Г.) можно почти считать нормальным явлением» [20: 44] (ср.: ирл. *glass* ‘зелёный’, ‘серый’, ‘синий’ [13: 112]; осетинск. *zach* ‘зелёный’, ‘синий’ [20: 45]; оджийск. *bibri* ‘зелёный’, а «дополняющее его *bibiri* означает не только тёмный, но также синий цвет» [20: 36]; юраксамоед. слово *paderaha*, кроме значения ‘синий’, имеет «значение ‘зелёный’» [20: 27]).

С. Есенин последовательно прибегает к взаимозаменяемости ЦО. Это имеет место и при описании блеска звёзд. Так, слово *синий* С. Есенин контекстуально синонимизирует с лексемами *голубой*, *золотой*, *ясный* в следующих примерах: *Вечер синюю свечкой звезду / Над дорогой моей засветил* [14: 473]; *Сердцу снится душистый горошек, / И звенит голубая звезда* [5: 104]; *Звёздами золотые*

копытца / Скатятся, взбороздив ночь [5: 163]; **Звёздочки ясные, звёзды высокие!** / *Что вы храните в себе, что скрываете?* [5: 367]. В рамках данных контекстов слова *синий, голубой, золотой, ясный* поэт использует как семантически близкие адъективы, находящиеся в области обозначения светлых цветов.

С. Есенин как уникальная языковая личность использует не только ЦО как компоненты свободных структур, но и как составляющие устойчивых оборотов и народнопоэтических выражений (*зелёное вино, видеть в розовом цвете, молодо-зелено*). При этом С. Есенин наделяет, например, лексему *зелёный* восходящими к русской фразеологии оценочными лингвокультурными смыслами 'молодой', 'неопытный', 'легкомысленный', 'глупый': *Сам себе казался я таким же клёном, / Только не опавшим, а всюю зелёным* [18: 497] (ср. семантику адъектива с корнем *зелен-* в поговорках **Молодо-зелено, погулять велено** [4: 81]; **Молодо – зелено, да молодо – честно** [11: 183]).

Знаковым является есенинское **Белая берёза** / *Под моим окном / Принакрылась снегом, / Точно серебром* [6: 78]. Выступая символом русской природы, образ белой берёзы восходит к народнопоэтической традиции. Ср., как строки С. Есенина коррелируют с фрагментом лирической народнопоэтической любовной песни: *Не во далечем-далече, во чистом поле, / Что ещё того подале во раздолье, / Стоит-то постоит белая берёзонька...* [12: 112]. Отсылка одного текста к другому («интертекстуальная связь» [7: 14]) здесь прослеживается на уровне заимствования как собственно образа берёзы, являющегося «символом России» [9: 40], так и «сюжетного положения» [7: 22] (ср.: *И стоит берёза* и *Стоит-то постоит белая берёзонька*). Употребление данного выражения в поэзии С. Есенина,

опора на интертекст вполне объяснимы. Как пишет А. К. Жолковский, «в начале всякого слова всегда было какое-то чужое слово» [7: 17].

К народнопоэтическим выражениям, используемым (С.109) **С. Есениным**, также принадлежат синтагмы *чёрные кудри*, *красное лето*, *красный звон* и др. Ср. семантические корреляции данных сочетаний в следующих авторских и народнопоэтических примерах: *Я смотрел из окошка на синий платок, / Кудри чёрные змейно трепал ветерок* [5: 12] и *Да хватал он матушку за чёрны кудри, / Да и вызнял он её выше могучих плеч* [1: 174]; *И глазам голубым / Славлю / Красное / Лето* [5: 145] и *Где-то, где-то красно лето, / Где-то шарфик голубой?* [19: 534]; *Уж ты, мать моя, голубица, / Сбереги ты ус на божнице; / Окропи его красным звоном, / Положи его под икону!* [5: 136] и *Хлеба-соли покушать, красному звону матушки Москвы послушать* [10: 22]. Преимущество семантики ЦО в авторской и народнопоэтической речи отражает незыблемые и характерные черты русской лингвоментальности, основанные на мифических (образных) представлениях его носителей, иллюстрирует ориентацию художественной речи на народнопоэтическую традицию, на присутствие в языке художественной литературы национально-культурной семантики ЦО, на реализацию принципа интертекстуальности. Эти черты пронизывают поэзию С. Есенина, его цветовосприятие.

С. Есенин как элитарная языковая личность прибегает к использованию слов с основной и производной цветовой номинацией в составе метафорических сочетаний и сравнительных оборотов. Ср.: *Липким запахом веет полынь. / Спит черёмуха в белой накидке* [5: 91]; *Заколдован невидимкой, / Дремлет лес под сказку сна. / Словно белою косынкой / Повязалась сосна* [5: 390]; *Не жалею, не*

*зову, не плачу, / Все пройдёт, как с белых яблонь дым [18: 488];
Гаснут красные крылья заката, / Тихо дремлют в тумане плетни. /
Не тоскуй, моя белая хата, / Что опять мы одни и одни [14: 475]; До
сегодня ещё мне снится / Наше поле, луга и лес, / Принакрытые
сереньким ситцем / Этих северных бедных небес [5: 88]; Отвори
мне, страж заоблачный, / Голубые двери дня / Белый ангел этой
ночью / Моего увёл коня [14: 473].*

С. Есенин употребляет в поэтических текстах ЦО для описания других (нецветовых) ощущений. В результате явление одной модальности одновременно воспринимается и оценивается в категориях другой сенсорной системы. В частности, при описании воздуха, ветра, тишины задействуются “цветовые” слова (в данном случае – лексемы *синий, серебряный, седой*): **Воздух** прозрачный и **синий**, / *Выйду в цветочные чащи / Путник, в лазурь уходящий, / Ты не дойдёшь до пустыни [5: 324]; Жить нужно легче, жить нужно проще, / Всё принимая, что есть на свете. / Вот почему, обалдев, над рощей / Свищет ветер, серебряный ветер [5: 123]; А ночь черна, черна! / И пыжится бедою / Седая тишина [14: 478].* Общеизвестно, что сущностное свойство синестезии «по психологической своей природе определяется межчувственными ассоциациями, соединяющими в себе появление цветowych ассоциаций на сигналы, поступаемые от всех органов чувств» [2: 11]. В результате, свойства воздуха, ветра, тишины в сознании говорящих приобретают цвет. Можно полагать, что в этих и подобных примерах в образы синего воздуха, серебряного ветра, серой тишины вложены не столько понятия конкретного «газообразного вещества, составляющего атмосферу Земли» [8: 79], «потока воздуха в горизонтальном положении» [8: 66] или отсутствия звука, сколько обобщённое представление о «свободном пространстве,

простирающемся над землёй» [16: 199]. Поэтому С. Есенин как носитель русской лингвокультуры в сочетании *синий воздух, серебряный ветер* вкладывает значения, близкие к 'светлый', 'прозрачный', а в синтагму *седая тишина* смысл 'беззвучный'. Такие сочетания могут приобретать и «переносное употребление» [17: 141], в них, «отрываясь от реальных предметных связей, название цвета делается в высшей степени условным и отвлечённым. Сочетаясь с существительными, не обладающими цветовым признаком, эпитет-ЦО теряет вещественный смысл и не конкретизируется в зрительном образе» [3: 22].

Итак, в поэзии С. Есенина при выборе ЦО реализовались речевые предпочтения автора, особенности его языка, которые делают личность С. Есенина узнаваемой и знаковой. Отмеченные факты указывают на то, что поэтическая речь С. Есенина, его художественное слово требуют детального изучения, основанного на привлечении фактов всех уровней языка и на анализе разных групп ЦО, что станет предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Былины / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Селиванова Ф.М.]. М.: Сов. Россия, 1988. 576 с.
2. Выродова А.С. Лингвокультурологическое пространство колоративов в русском поэтическом дискурсе первой половины XX века (на материале поэтических текстов С.А. Есенина и Н.М. Рубцова) : автореф. дис. ... канд. филол. (с.111) **наук**: спец. 10.02.01 «Русский язык». Белгород, 2008. 22 с.
3. Грановская Л.М. Прилагательные, обозначающие цвет, в русском языке XVII-XХ вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык». М., 1964. 24 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 т.]. / В. Даль. М.: Рус. яз., 1981. Т. 2. 1981. 779 с.
5. Есенин С.А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-книга, 2010. 719 с.
6. Есенин С.А. Собр. соч. [в 5-ти т.]. М.: Худож. лит., 1966. Т. 1 : Стихотворения и поэмы (1910 – октябрь 1917). 415 с.
7. Жолковский А.К. Блуждающие сны и другие работы. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. 428 с.

8. Ожегов С.И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов; под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. [18-е изд., стер.]. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.
9. Пелевина Н. Ф. Коннотативные компоненты значения слова в процессе исторического развития языка (на материале значений цвета) // Семантика слова в диахронии : межвуз. темат. сб. науч. тр. / [редкол.: Р.В. Алимбиева и др.]. / Калинингр. гос. ун-т. Калининград, 1987. С. 35-42.
10. Пословицы русского народа: сборник В. Даля : [в 3 т.]. М.: Русская книга, 2000. Т. 2. (с.111) **Убрать**: 2000. 704 с.
11. Русские пословицы и поговорки; под ред. В. Аникина ; предисл. В. Аникина; [сост. Селиванов Ф., Кирдан Б., Аникин В.]. М.: Худож. лит., 1988. 431 с.
12. Русский фольклор / [сост. и примеч. В. Аникина]. М.: Худож. лит., 1986. 367 с.
13. Рябова Н.Ф. Пути образования и развития цветообозначений (на материале производных от индоевропейских корней *bhel- и *ghel- в английском, латышском и русском языках) // Инновации на разных языковых уровнях : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Л.Я. Орловский. Рига: Латв. гос. ун-т им. П. Стучки, 1978. С. 111-120.
14. Серебряный век русской поэзии : сборник / [сост., авт. коммент. Панченко И.Г., Скуратовский Л.В. ; авт. предисл. Скуратовский В.Л.]. К.: Дніпро, 1991. 639 с.
15. Серов Н.В. Античный хроматизм. СПб.: Лисс, 1995. 475 с.
16. Словарь русского языка : [в 4-х т.] ; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз. Т. 1: А–И. 1981. 698 с. (АН СССР ; Ин-т рус. яз.).
17. Суровцова М.А. Выражение цветовых значений в общеславянском языке // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 8. М.: Изд-во МГУ, 1976. С. 136-155.
18. Три века русской поэзии / Сост. Н.В. Банников. 3-е изд. М.: Просвещение, 1986. 750 с.
19. Частушки / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова]. М.: Сов. Россия, 1990. 656 с.
20. Шерцль В.И. Названия цветов. Символизм цветов // Филологические записки. Вып. II–III. 1884. Воронеж. С. 1-70.